

С. Л. Фирсов
НИКОЛАЙ ВТОРОЙ:
ПРЕРЕКАЕМЫЙ ГЕРОЙ «ПОТОНУВШЕГО МИРА»

...В 1923 г. в Советской России были переизданы воспоминания графини М. Э. Клейнмихель, впервые увидевшие свет на Западе. Они носили название «Из потонувшего мира». До революции 1917 г. графиня была хозяйкой великосветского салона, посещавшегося известными государственными и общественными деятелями России, представителями титулованной аристократии и театральной богемы. Она о многом слышала, многое знала, хотя трудно судить, насколько понимала происходившее тогда, в начале XX в., в стране. Ее мир ушел в исторические небытие со всеми традициями, правилами и формами поведения «первых персон» этого мира после отречения государя. Навсегда перевернулась не только «страница жизни» графини М. Э. Клейнмихель и ее окружения, но и целой России. Имперское «вчера» она оценивала не как аналитик, «рефлесирующий» интеллектуал, а как свидетель отдельных событий, случайных и характерных, как человек, лично знавший главных лиц отыгранной исторической трагедии. Она писала о частностях, об исторических «мелочах». Но, думается, именно в мелочах лучше всего и сохраняется «дух эпохи», то, что позволяет потомкам, реконструируя прошлое, пытаться понять его психологию.

М. Э. Клейнмихель писала о прошлом, во многом связанном с эпохой последнего русского самодержца, — той эпохой, которая также неоднозначно воспринималась в те времена, как неоднозначно воспринимается и сейчас. Общим было тогда (и есть сегодня) только одно обстоятельство: осознание того, что «прошлый мир» вернуть было невозможно. Со всеми своими «частностями»

он был убит революцией и окончательно погребен победившими в Гражданской войне большевиками.

Это был мир императора Николая II, который, волею сверхличных обстоятельств, остался в истории в качестве последнего русского самодержца. Поэтому, кто бы и о чем бы не писал, касаясь «рубежа веков» — XIX-го и XX-го, — неизменно должен был, прямо или косвенно, затронуть и личность этого царя. Для его современников, ностальгирующих по императорской России, он был человеком, чья власть была уничтожена (вместе с государством) по злому умыслу врагов и (или) по недомыслию близоруких подданных; для либералов, воспринимавших самодержавие в качестве «тормоза» развития страны, — он был главным виновником русской катастрофы, недальновидным, упрямым и слабовольным политиком. Для революционеров он был «Николаем кровавым», закономерно лишившимся трона и головы. Так, буквально сразу, император Николай II стал восприниматься в соответствии с той историософской схемой, которой предпочитали следовать его «хвалители» и «ругатели». Ситуация, во многом без изменений, сохраняется и по сей день.

Но ведь любой человек всегда больше схемы, он есть сумма больших и малых «частностей», прежде всего — *persona privata*. О человеке всегда рассуждать сложнее, чем о «схеме», связанной с его именем или его именем «оформленной». В данном случае затруднительно использовать фразу о том, что «большое видится на расстоянии», говорить об «исторической давности» как о факторе, позволяющем следовать принципам пресловутой «объективности» или утверждать, что судьба есть отражение «социальных законов». Конечно, есть простой выход: мифологизировать известную личность, свести его жизнь к сказке, по собственному вкусу отобрав его «врагов» и «друзей». Но это, опять же, путь, ведущий к схеме.

Круг замыкается, и факты становятся инструментом, используемым для борьбы за узко понимаемую «истину». Особенно это опасно тогда, когда «истина» понимается в религиозно детерминированном ключе. В нашем случае подобное тем более трудно игнорировать, что император Николай II прославлен Православной Церковью как «страстотерпец и мученик». А ведь святой — это благочестивый и добродетельный человек, являющий собой образец добродетели, молящийся перед Богом за всех людей. Конечно, не все святые при жизни были людьми добродетельными (достаточ-

но вспомнить пример благочестивого разбойника), но все-таки... Житие святого — не светская биография, предполагающая анализ всех сторон жизни с привлечением максимального числа источников; в житии акцент делается на рассказе о том, что сделало человека праведным, привело его к спасению. Исходя из этого, вопрос, может ли действующий политик, даже Помазанник, достичь святости, оказывается искусительным для светских историков, особенно если эти историки профессионально небеспристрастны. Опасность все свести к «схеме», пусть даже и «благочестивой», может дать о себе знать в самый неподходящий момент...

Что же в таком случае делать?

Попытаться понять время исторического героя, жизнь которого стала предметом изучения, постараться понять, как воспринимали этого героя, не стесняясь и самых резких оценок, его современники, определить, не только в чем, но и почему они видели его недостатки и достоинства. Проще говоря, — попытаться нарисовать портрет героя на фоне его времени, понимая, что в истории нельзя игнорировать ни закономерностей, ни случайностей; писать «от факта», не забывая о том, как он воспринимается в каждый конкретный момент действительности, помня, что факт живет не в статичном мире и его интерпретации сами порой становятся «фактами».

Понять прошлое достаточно сложно, поскольку при его оценке человеку необходимо отрешиться от сегодняшних ценностных предпочтений, если угодно — «встать над ними», пытаться в процессе исследования не подтвердить или опровергнуть ту или иную «схему», а разобраться в себе самом, «поместив» себя в контекст изучаемого времени. Это сложная интеллектуальная игра, предполагающая не только глубокие знания фактов, но и умение «чувствовать эпоху», «войти» в которую исследователю также необходимо, как и умение из нее «выйти». Чем парадоксальнее герой, тем сложнее ученому беспристрастно его оценить, тем более, если со времени его кончины прошло менее ста лет...

...В начале 1920-х гг. российский журналист И. М. Василевский (Не-Буква), характеризуя императора Николая II, назвал его «Антоном Горемыкой на троне». Это было жестко, но у многих современников царя (к тому времени убитому) настоящее определение не вызывало удивления и вопросов. И для «левых», и для «правых» Николай II был несчастным царем, вся жизнь которого была цепью неудач и промахов, личных трагедий и политических

ошибок. Антон Горемыка... Несчастный герой повести Д. В. Григоровича, которому нигде нет удачи, от которого отвернулось счастье и жизнь которого закачивается несправедливым наказанием. Жизнь его есть мука, непонимание и обман — норма этой жизни, будущее для него всегда хуже ужасного настоящего. Бесконечная безысходность...

В данном И. М. Василевским определении, действительно, много верного. Для подтверждения этого тезиса вспомним некоторые факты биографии последнего русского самодержца.

...Он родился в 1868 г., 6 мая, в день, когда Православная Церковь отмечает день Иова Многострадального — библейского праведника, который, имея всё, всего же, по воле Бога, лишился. Тяжкие испытания он сумел преодолеть благодаря терпению и твердой вере, в результате чего был сторицей вознагражден Богом. То, что Николай II родился именно 6 мая неоднократно вспоминалось впоследствии, когда мистически настроенные современники пытались понять и объяснить себе трагическую судьбу царя. Апокрифический рассказ об этом даже включил в свой «Дневник» последний посол Франции в самодержавной России М. Палеолог. В годы Великой войны он вспомнил рассказ министра иностранных дел С. Д. Сазонова, касавшийся разговора царя с П. А. Столыпиным. Дело происходило в 1909 г., когда на очередном докладе премьер-министр предлагал Николаю II какую-то важную государственную меру. Однако тот грустно заявил ему:

«Мне не удастся ничего из того, что я предпринимаю, Петр Аркадьевич. Мне не везет... К тому же, человеческая воля так бессильна...

Мужественный и решительный по натуре Столыпин, — записывал М. Палеолог, — энергично протестует. Тогда царь у него спрашивает:

— Читали ли вы Жития Святых?

— Да... по крайней мере, частью, так как, если не ошибаюсь, этот труд содержит около двадцати томов.

— Знаете ли вы также, когда день моего рождения?

— Разве я мог бы его не знать? 6 мая.

— А какого святого праздник в этот день?

— Простите, государь, не помню.

— Иова Многострадального.

— Слава Богу, царствование Вашего величества завершится со славой, так как Иов, смиренно претерпев самые ужасные

испытания, был вознагражден благословением Божиим и благополучием.

— Нет, поверьте мне, Петр Аркадьевич, у меня более, чем предчувствие, у меня глубокая уверенность: я обречен на страшные испытания; но я не получу моей награды здесь, на земле... Сколько раз применял я к себе слова Иова: “Ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня, и чего я боялся, то и пришло ко мне”»¹.

Понятно, что это всего лишь исторический апокриф, но — характерный, свидетельствующий о том, как воспринимали Николая II такие, вовсе не склонные к мистицизму люди, как М. Палеолог. Придумать такой рассказ французу было трудно, скорее всего, он пользовался действительно ходившими в высших кругах слухами и легендами. Но ведь такие легенды не рождаются на пустом месте!.. И в самом деле, было от чего впасть в уныние. Биография Николая II была для этого благодатной почвой.

Но продолжим. В 1881 г. он, неполных тринадцати лет, становится наследником престола, цесаревичем: официально об этом объявляется 2 марта, на следующий день после гибели его деда — императора Александра II. 2 марта... Запомним и эту дату — на будущее.

1887 г., 17 октября — крушение царского поезда под Харьковом, все члены семьи Александра III остались живы, но день вошел в анналы истории Дома Романовых. Для Николая II 17 октября будет напоминанием и по другому поводу: 17 октября 1905 г., в разгар революции, он вынужденно подпишет знаменитый манифест «о свободах», который откроет новую для монархической государственности России эпоху, эпоху Думской монархии. С тех пор власть самодержца *de jure* уже не могла считаться абсолютной.

29 апреля (11 мая по григорианскому календарю) 1891 г. — покушение на будущего Николая II, тогда цесаревича, совершенное в японском городе Отсу полицейским Санцо Тсуда. Обида на японцев, косвенно повлиявшая на негативное отношение к Японии и на потакание безответственным политикам, толкавшим страну к неудачной Русско-японской войне.

¹ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 91–92. Запись от 20 августа 1914 г.

Октябрь 1894 г. 10 октября — приезд в Ливадию невесты, принцессы Алисы Гессенской, будущей императрицы Александры Федоровны; 20 октября — кончина отца, императора Александра III. Радость, переплетенная с горем. Ноябрь 1894 г. 7 ноября — похороны отца в Петропавловском соборе Петропавловской крепости Санкт-Петербурга; 14 ноября — свадьба. На неделю траур отменяется. Семейная жизнь началась под служение панихид по почившем родителе.

1896 г. 14 мая — коронация. При коронации тяжелая бриллиантовая цепь ордена св. Андрея Первозванного, символ могущества и непобедимости, отрывается от горностаевой мантии и падает к ногам самодержца. «Дурной знак, предупреждение о грядущих несчастьях» — воспринимают случившееся присутствующие в соборе сановники, не забывшие сообщить об этом своим знакомым. Слух быстро распространяется. 18 мая — Ходынская катастрофа. В связи с произошедшим вспоминали и японское покушение 1891 г.²

1904–1905 гг. — Русско-японская война, проходившая на фоне развивавшейся революции.

1904 г. 30 июля — рождение (после четырех дочерей) наследника, вскоре омраченное известием о его неизлечимой болезни — гемофилии, заставлявшей каждодневно опасаться за жизнь маленького наследника престола.

1905 г. 9 января — «Кровавое воскресенье», после которого особенно часто Николая II его непримиримые политические противники «слева» стали называть «Николаем Кровавым». Обидная и несправедливая кличка прижилась, и в дальнейшем ее активно использовали советские «разоблачители» дореволюционного «проклятого прошлого»...

Список дат можно было бы продолжить, но и указанного вполне достаточно для того, чтобы понять: назвать Николая II удачливым и счастливым монархом не получается.

Безусловно, то, что он вступил на престол, не имея желания «повевать и властвовать», также свидетельствовало не в его пользу. Он не был готов к роли самодержца, больше радуясь «частным радостям» и «приватному житию». В своем дневнике, скупом на эмоции, 31 декабря 1894 г. он отмечает: худшее, чего

² Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. СПб., 2003. Т. 2. Рукописные заметки. С. 36.

он так боялся всю свою жизнь, случилось, хотя и замечает, упо-
вая на Бога, что без страха смотрит на наступающий 1895 год³.
Он боялся власти, не представляя, как будет управлять огром-
ной страной. Еще в октябре 1894 г., сразу после смерти Алек-
сандра III, он с нескрываемым страхом говорил другу юности
великому князю Александру Михайловичу: «Сандро, что я буду
делать! Что будет теперь с Россией? Я еще не подготовлен быть
царем! Я не могу управлять империей. Я даже не знаю, как раз-
говаривать с министрами. Помоги мне, Сандро!»⁴.

Был ли такой разговор или великий князь «задним числом»
облек в него свои мысли о государственных «талантах» Нико-
лая II судить трудно. Но ясно, что Александр Михайлович вос-
принимал своего самодержавного кузена как человека, не под-
готовленного к власти. Эта мысль и в дальнейшем будет часто
встречаться в воспоминаниях многих (если не подавляющего
большинства) современников царя. Вспоминавший Николая II
В. В. Шульгин — правый депутат Государственной Думы трех
созывов, принимавший в марте его отречение, обмолвился, что
царь был рожден «на ступеньках трона», но не для престола.
«На ступеньках трона» рожденный, Николай II, тем не менее,
в течение всех лет правления, стремился быть «настоящим
самодержцем». Но беда в том и состояла, что его таковым
не воспринимали: его политическая репутация, — репутация
государственного деятеля, была невысока. «Мистический ореол»
самодержавной власти был в его царствование развенчан окон-
чательно, хотя из этого вовсе не следовало, что монархические
симпатии большинства подданных русской короны (прежде
всего крестьян) сошли на нет. Считать это парадоксом, полагаю,
было бы неверно. Власть и олицетворяющий ее носитель далеко
не одно и то же.

«Суворин рассказывает, — писал летом 1904 г. генерал-
неославянофил А. А. Киреев, вспоминая разговор с издателем
крупнейшей российской газеты «Новое время», — что извозчик,
везший одного его знакомого, проезжая мимо домика Петра,
сказал: вот, барин, кабы нам теперь такого царя, а то теперешний

³ Дневник императора Николая II. М., 1991. С. 108. Запись от 31 декабря 1894 г.

⁴ Александр Михайлович, великий князь. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 141.

дурик! (не дурак и не дурачек). Где ему справиться, — и добавлял у же от себя: — Это ужасный симптом»⁵. Последнего императора сравнивали с первым, очевидно не в пользу Николая II.

Мог ли он что-либо противопоставить подобным суждениям?

Вопрос риторический. Чем сложнее была ситуация в стране, тем более резко звучали голоса критиков «хозяина Земли Русской». В годы Великой войны издевательские слухи и сплетни окончательно восторжествовали — как в «культурной среде» общества, так и среди солдатской массы. В начале 1916 г., например, журналист М. К. Лемке описал в дневнике историю рисунка, опубликованного в немецком издании «*Fliegende Blatter*». Некий офицер А-въ показывал в офицерской и чиновничьей среде карикатурный рисунок, изображавший «слева Вильгельма, меряющего метром длину германского снаряда, а справа Николая, меряющего, стоя на коленях, аршином... Распутина... И все хохотали, — писал Лемке, — никто не считает нужным стесняться... Развал полный»⁶.

Слова Лемке о развале подтверждаются и другими многочисленными свидетельствами, в которых упоминание о Григории Распутине — известном «друге» царской четы, встречается постоянно⁷. О сибирском «старце» можно говорить долго, но в данном случае важно отметить не то, что слухи о нем были правдоподобны или, наоборот, лживы, а *сам факт таких слухов*. Гр. Распутин стал символом развала власти для большинства образованных современников царя, и данное обстоятельство оказалось для самодержавной государственности фатальным. Пройдут годы, и современные адепты «старца» начнут писать о том, как, кто и почему его оклеветали, что это был способ дискредитировать царя и тем самым разрушить русскую монархию.

Этот тезис, кстати сказать, ныне чрезвычайно популярен в среде «царебожников» — новой религиозной секты, члены которой почитают Николая II за «царя-искупителя», сравнивая его религиозный подвиг с искуплением рода человеческого, совершенном

⁵ Дневник А. А. Киреева // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 126. Д. 13. Л. 336-об — 337. Запись от 21 июля 1904 г.

⁶ *Лемке Мих.* 250 дней в Царской Ставке (25 сент[ября] 1915 — 2 июля 1916). Петербург, 1920. С. 561. Запись от 21 февраля 1916 г.

⁷ См. напр.: *Шульгин В.* Дни // Шульгин. Дни. Годы. 1920. М., 1990. С. 403.

Иисусом Христом⁸. Прошлое помещается под произвольно выбранное лекало, по которому кроются политические и идеологические одежды его героев и антигероев. «Лишнее» игнорируется, либо интерпретируется в соответствии с избранными установками. Роль адвокатов от истории оказывается востребованной тем более, чем более получает распространение миф о царской России как стране «погубленной». Апокалиптическая сказка с известным заранее концом оказывается притягательной, вдохновляет и завораживает на новые изыскания единственной «правды», не оставляя места сомнениям и недомолвкам. Прошлое изучается вне психологического контекста, упрощаясь до банальностей.

Какая, в сущности, разница, почему в Николае II не видели крупного государственного деятеля и думающие о России «правые» (например, Б. В. Никольский и Л. А. Тихомиров), и либералы (среди которых нельзя не вспомнить П. Н. Миллюкова), и «левые» (все)?

Не видели, потому что были ограничены — честолюбием, самомнением, незнанием реальной России, собственной безрелигиозностью, да мало ли еще чем! Однако для историка не может не быть интересным психологическая подоплека подобного «невидения». К примеру, почему отец белого генерала барон П. Е. Врангель полагал, что Николай II не умел быть самодержцем. «Он был бесполезен, безволен и полностью погружен в себя, — писал барон. — Он держался за трон, но удержать его не мог и стал пешкой в руках своей истеричной жены. Она правила государством, а ею правил Григорий Ефимович Распутин. Распутин внушал, царица приказывала, царь слушал»⁹. Пусть подобная формула власти, мягко говоря, далеко не безупречна, но ведь она сложилась не на пустом месте!

Слухи играют в политической жизни народов и государств достаточно большую роль, особенно в переходные эпохи. Порой они являются значительной силой, влияющей на будущее страны, разрушают или цементируют ее. В нашем случае слухи носили разрушительный характер, но верховная власть не смогла этому

⁸ О «царе-искупителе» Николае II и о «святом» Григории Распутине см. подр.: Фирсов С. На весах веры. От коммунистической религии к новым «святым» посткоммунистической России. СПб., 2011.

⁹ Врангель Н. Е. Воспоминания. От крепостного права до большевиков. М., 2003. С. 342–343.

достойно противостоять. Расшатывание монархических принципов «кучкой властолюбивой интеллигенции» и революционерами никогда не привело бы к глобальным социальным катаклизмам и уничтожению старой России, если бы за этой «кучкой» ничего, кроме желания «расшатать», не стояло. Не случайно протоиерей Сергей Булгаков, вспоминая 1910-е гг., в своих автобиографических заметках указал: «Россия экономически росла стихийно и стремительно, духовно разлагаясь»¹⁰. Духовное разложение — процесс неоднозначный, протекавший не один год и связанный с целым рядом социально-экономических и морально-нравственных явлений. Разрушение традиционного крестьянского уклада и рост атеистических настроений в среде образованного общества, появление «левых» террористов и «правых» погромщиков — все это составные элементы того самого «духовного разложения», о котором писал отец Сергей. Процесс этот не мог не затронуть и высших слоев русского общества, не мог не затронуть и царскую чету. Не случайно тот же о. С. Булгаков, в 1918 г. вложил в уста одного из героев своего произведения «На пиру богов» следующую сентенцию: в роковом влиянии Распутина более всего сказался исторический характер последнего царствования: ведь император «взыскал пророка теократических вдохновений». «Его ли одного вина, что он встретил в ответ на этот свой зов, идущий из глубины, только лжепророка? Разве здесь не повинен и весь народ, и вся историческая Церковь с первосвященниками во главе?»¹¹. «Лжепророк» — это, безусловно, герой своей эпохи, времени «духовного разложения». Стремление расставить акценты таким образом, чтобы, не оправдывая царя «за Распутина», показать всю трагичность появления «старца» у трона — несомненная заслуга Булгакова-мыслителя. Не будем забывать, что в те же времена, когда взошла звезда сибирского странника, в пролетарских кругах пользовался известностью иной «старец». Речь идет об Алексее Григорьевиче Щетинине — сектанте-провокаторе, названном З. Н. Гиппиус «пролетарским изданием Распутина»¹². Сказанное — очередной пример того,

¹⁰ Булгаков С., *прот.* Автобиографические записки. Париж, 1991. С. 81.

¹¹ Булгаков С., *прот.* На пиру богов // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 307.

¹² Об А. Г. Щетинине см. подр.: Фирсов С. Сектант-провокатор. Штрихи к портрету «антигероя» на фоне его времени (Рассказ об Алексее Григорьевиче Щетинине) // Звезда. 1997. № 2. С. 200–208.

что появление Гр. Распутина может рассматриваться не только и не столько как «блажь» последнего самодержца и его супруги, но и как явление более серьезного порядка. Проще говоря, «увлечение» императора Гр. Распутиным возможно рассматривать в контексте того «больного времени», когда богоискательство, поиск «смыслов» (что бы в настоящее слово не вкладывалось) стало реальным фактом российской действительности. Не будем забывать также и о том, что даже в рядах социал-демократов — атеистов тогда же много говорили о «богостроительстве». Сравнивать эти явления неверно, но то, что они существовали в одной временной плоскости отметить необходимо.

История, как известно, не может изучаться «линейно», ее ход парадоксален и далеко не всегда возможно рассматривать его как движение по восходящей или по нисходящей линии. Бурный экономический рост не есть несомненное свидетельство успешности развития страны, точно так же как и духовный кризис — показатель моральной деградации. Да, страна бурно развивалась. Но свидетельствовало ли это бурное развитие о безусловно радужных перспективах, которые оказались нереализованными лишь в результате действия «темных сил»? Не будем спешить с ответом.

Вспомним, что земледельцы составляли большинство подданных русского монарха. Граф И. И. Толстой, короткое время в царствование Николая II занимавший пост министра народного просвещения, полагал, что не ошибется, утверждая, что из общего числа 88 миллионов «русских всех трех наречий» не менее 70–75 миллионов — хлебопашцы. Таким образом, по его мнению, кардинальным вопросом русской жизни являлся аграрный, «в широком смысле»¹³. Нельзя сказать, что вопрос этот не решался — после Первой российской революции крестьянская жизнь постепенно изменялась к лучшему. На основании данных 1912–1916 гг. можно судить о том, что площадь европейской России (не считая Польши и Финляндии) составляла около 410 миллионов десятин, из которых 130 миллионов составляли пахотные земли, 80 миллионов — луга, 130 миллионов — леса, и 70 миллионов земли, не удобные для занятия сельским хозяйством. Более 50% леса и большое количество неудобных земель принадлежало казне (около 110 миллионов десятин). 35 миллионов десятин числились как земли уделов, а также городские, церковные, банковские,

¹³ Мемуары графа И. И. Толстого. М., 2002. С. 290.

войсковые. Свыше 75% пахоты и лугов находились в руках крестьян, имевших более 180 миллионов десятин. Частные владельцы распоряжались 55 миллионами десятин, половину которых составляли леса. Ежегодно более миллиона десятин переходили в руки крестьян при посредстве Крестьянского банка.

«Не прошло бы и двадцати лет, — полагал интересовавшийся вопросом современник (Б. А. Энгельгардт), — как аграрный вопрос, чисто эволюционным путем, оказался бы фактически разрешенным полностью»¹⁴. Оптимистические прогнозы делали в то время и иностранные эксперты, писавшие о серьезном улучшении экономических условий жизни русских крестьян¹⁵.

Можно ли было доверять им? Безусловно можно, но с некоторыми комментариями. Глубоко изучавший аграрные проблемы николаевской России петербургский историк В. С. Дякин полагал, что финансирование сельского хозяйства не могло существенно изменить в лучшую сторону положения деревни, а это неминуемо должно было сказаться (и сказалось) на политическом будущем страны. В экономическом и политическом строе империи не были преодолены полуфеодалские пережитки, затруднявшие приток капиталов в сельское хозяйство. Это привело к тому, «что в третьеиюньский период диспропорция между промышленным и сельскохозяйственным производством увеличилась. По подсчетам С. Н. Прокоповича, писал ученый, чистый прирост производства (без влияния изменения цен) составил с 1900 по 1913 г. в промышленности 62,7%, а в сельском хозяйстве 33,8%. В обоих случаях этот прирост почти целиком падает на 1907–1913 гг. При этом рост производства в сельском хозяйстве происходил в значительной мере за счет экстенсивных факторов — увеличения посевных площадей за Уралом и на юго-востоке Европейской России и серии урожайных лет. Наименьшую роль в некотором подъеме сельского хозяйства сыграла земельная реформа, влияние которой только начинало сказываться <...>»¹⁶. Логика В. С. Дякина понятна — он связывает

¹⁴ См.: *Энгельгардт Б. А.* Воспоминания камер-пажа выпуска 1896 года // Рукописный Отдел Российской национальной библиотеки (РО РНБ). Ф. 1052. Д. 23. Л. 36, 37.

¹⁵ См. напр.: *Тэри Э.* Россия в 1914 г. Экономический обзор. Paris, 1986. С. 87 и др.

¹⁶ *Дякин В. С.* Деньги для сельского хозяйства. 1892–1914 гг. Аграрный кредит в экономической политике царизма. СПб., 1997. С. 346.

возможности качественных изменений в деревне с проведением социально-политических реформ. Остановка реформ, таким образом, для сельского хозяйства была равносильна строительству большого здания при отсутствии прочного фундамента.

Однако существовало и еще одно обстоятельство. Россия, при всем своем предвоенном движении вперед, существенно отставала от европейских стран — как своих союзников, так и будущих противников. Из всех ведущих мировых держав, вставших на путь капитализации народного хозяйства, по всем имперским структурам Россия занимала последнее место (только Великороссия приближалась к среднемировому уровню). Занимая по размеру национального дохода четвертое место в мире, по среднедушевым показателям Россия находилась на предпоследнем месте, опережая лишь Японию, но не достигая среднемирового значения¹⁷. Все российские качественные показатели (как-то: объем промышленного производства на человека и годовая выработка одного рабочего) составляли половину среднемировых значений, в 5–10 раз уступая Соединенным Штатам, Германии и Великобритании¹⁸.

И это при том, что в период между 1890 и 1913 гг. русская промышленность увеличила свою производительность в четыре раза! С 1910 по 1914 г. число вновь учреждавшихся акционерных обществ возросло в России на 132%, а положенный в них капитал — почти в четыре раза¹⁹. Экономическое развитие — несомненно, но оно не успевало за стремительно менявшейся политической обстановкой, заставлявшей серьезных политиков задумываться о приближающейся войне. А ведь по основным показателям оснащения вооруженных сил Россия уступала не только армиям Германии и Франции, но также Италии, Австро-Венгрии, Японии. Даже в мирное время российская промышленность в лучшем случае могла обеспечить только текущие нужды вооруженных сил в основных типах вооружений, а современных ударных систем в императорской армии было в 2–5 раз меньше, чем в Германии и во Франции²⁰.

¹⁷ Степанов А. И. Место России в мире накануне Первой мировой войны // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 160.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См.: Бразоль Б. Л. Царствование императора Николая II в 1894–1917 гг. в цифрах и фактах. [В/м.,] 1991. С. 5–6.

²⁰ Степанов А. И. Указ. соч. С. 161.

По качественным показателям, характеризующим степень индустриализации, Россия была только развивающейся аграрно-индустриальной державой, хотя и обладавшей огромными потенциальными возможностями; по природно-демографическому потенциалу она занимала второе (после Британской империи) место в мире, в 1,5–6 раз превосходя все остальные державы; по уровню индустриализации общества и экономическому потенциалу в целом Россия входила в третью группу индустриально развивающихся стран, в которой были созданы основы крупного машинного производства, и имелся значительный отряд фабрично-заводских рабочих²¹.

О чем это говорило?

Только о том, что легенда о «русском паровом катке», которой своей мощью может раздавить любого врага, могла дорого стоить стране.

Помимо экономических проблем существовали и проблемы политические. Как уже говорилось, революция 1905 г. вырвала у Николая II манифест 17 Октября. Но Думская монархия никогда не рассматривалась императором как «нормальное» социально-политическое устройство империи. К прерогативам своей власти он относился ревниво, и вовсе не потому, что был властолюбив. Воспитанный обер-прокурором Св. Синода К. П. Победоносцевым в мысли, что самодержец получает власть «Божьей милостью своих предков», он полагал правильным сохранить полученную власть в том объеме, в котором сам получил ее от отца, дабы впоследствии — и в том же объеме — передать своему наследнику.

Можно ли говорить, что он был в плену «самодержавного мифа», да и корректно ли в данном контексте употреблять слово «миф»?

Учитывая, что миф — это повествование, передающее представления людей о мире, происхождении мира, месте человека в нем, можно сказать: у императора Николая II, конечно же, было ясное видение идеального политического устройства России, под которым он понимал именно самодержавную государственность. Ее ограничение было для него своеобразным отступничеством, презрением политического идеала. То, что часто понималось как «упрямство» самодержца, не желавшего поступиться прерогативами власти, на самом деле было его не-

²¹ Там же. С. 162–163.

желанием изменить политическому credo. Европейец по образованию, воспитанию и бытовым привычкам, Николай II больше всего не любил великого преобразователя России — Петра Великого, отдавая симпатии его «тишайшему» отцу. Ведь и своего сына он назвал в его честь — Алексеем.

Он даже хотел «стилизировать» придворную жизнь под обычаи и формы эпохи Алексея Михайловича, в феврале 1903 г. проведя в Зимнем дворце костюмированный бал, во время которого русская знать во главе с монархом обрядилась в роскошные костюмы «допетровского времени». Игра в XVII век показательна и в связи с искренним стремлением последнего царя быть по-настоящему «народным», преодолеть средостение, отделявшее его от самых простых своих подданных — крестьян. Вероятно, император, одетый в форму гвардейского офицера, в представлении Николая II не соответствовал образу и облику «народного царя» — в духе Алексея Михайловича. Богомольный царь, вместе со своим народом почитавший православные святыни, был для него идеалом, к достижению которого он пытался приблизиться.

Николай II продемонстрировал это в том же 1903 г., летом, приехав, вместе со многими членами Императорской Фамилии, в Саров на прославление почитавшегося православной Россией старца Серафима. Именно после посещения Сарова, когда царь увидел колоссальную (150-тысячную) толпу богомольцев, он окончательно уверился в искренности народной любви к монарху. И это его чувство ничто уже поколебать не могло.

К слову сказать, вновь вспоминая о Гр. Распутине, он воспринимался царем как полноправный представитель того самого верующего народа, встреченного им в Сарове, — простого и открытого, верного царю и Церкви. Этот «представитель», простой русский мужик, напрямую, без посредников, мог доносить до него чаяния и нужды таких же как он, самых обыкновенных, крестьян. Таким образом, можно сказать, что Гр. Распутин — это и своеобразная «борода перед престолом», человек, волею Провидения получивший возможность напрямую говорить со своим царем.

Понимали ли всё это пристрастные современники?

В большинстве своем — и не хотели понять. Гр. Распутин в их глазах не столько цементировал отношения царя и народа, сколько разрушал авторитет царской власти. Это представление после 1910 г., когда о Гр. Распутине заговорили русские газеты, только укреплялось. Соответственно росло отчуждение

Николая II и Александры Федоровны от тех, кто не разделял их ценностей и позволял давать советы, касавшиеся религиозных чувств и личных привязанностей. Исключений не делалось ни для кого — ни для родственников, ни для министров.

Отчужденность — прекрасная почва для слухов, предоставляющая возможность их интерпретировать и дополнять. Отчужденность царя, его «молчание» (по слову З. Н. Гиппиус, он «был завязан в молчание точно в платок. Так, в молчании, и отошел к прошлому»²²), позволяли распространять легендарные сведения о нем — и при его жизни, и после трагической гибели. Причем если до 1917 г. и в период революции эти слухи были сугубо негативные, то в эмигрантской монархической среде уже в 1920-е гг. стали появляться иные рассказы, в которых речь шла о величии последнего царя, о его удивительной жертвенности и глубочайшем религиозном настрое.

Так, среди почитателей последнего царя распространяется история о его желании в годы Первой российской революции принять монашество и даже возглавить *в качестве Патриарха* Православную Церковь. То, что царь «высказал» свое желание именно в 1905 г. — неслучайно. Для Церкви революция стала временем, когда оживились надежды на возможность проведения давно ожидавшихся реформ, созыв Поместного Собора и ослабление власти обер-прокурора Св. Синода. В православных кругах было известно, что царь искренне желал восстановления патриаршества, укрепления Православной Церкви. Не могли не знать об этом и создатели апокрифических историй. Одна из них, составленная неким эмигрантом Б. Потоцким, полностью приведена князем Н. Д. Жеваховым (последним товарищем последнего дореволюционного обер-прокурора Св. Синода). Другая появилась в работе православного писателя и публикатора пресловутых «Протоколов Сионских мудрецов» С. А. Нилуса. С некоторыми «техническими» отличиями второй рассказ дается и князем Н. Д. Жеваховым.

В сообщении Б. Потоцкого речь шла о якобы имевшем место посещении царской четой столичного митрополита Антония (Вадковского) в Александро-Невской лавре, зимой 1905 г. Некий неназванный «свидетель», информировавший Б. Потоцкого, в описываемое время приводил в порядок библиотеку митропо-

²² Гиппиус З. Н. Маленький Анин домик. (Вырубова) // Гиппиус З. Живые лица. Воспоминания. Тбилиси, 1991. Т. 2. С. 66.

личьего дома. Он и рассказал, что Николай II приезжал просить у архипастыря благословения на отречение от престола в пользу цесаревича Алексея, «с тем, чтобы по отречении постричься в монахи в одном из монастырей»²³. Митрополит Антоний не одобрил решения, указав царю на недопустимость строить свое личное спасение на оставлении монаршего долга.

Следующая попытка, уже по сообщению Н. Д. Жевахова, была предпринята Николаем II вскоре после первой. С. А. Нилус, также описавший этот случай, относил его к весне 1905 г. Суть апокрифа сводилась к следующему: в период дискуссии о Церкви, когда речь зашла о необходимости возглавления ее патриархом, царь предложил православным иерархам себя в качестве возможного первосвященителя. Ответом ему стало «гробовое молчание» князей Церкви²⁴.

Характерно, что ни Н. Д. Жевахов, ни С. А. Нилус не приводят имен тех лиц, которые сообщили им эту информацию. Только по некоторым намекам, содержащимся в книге С. А. Нилуса, можно догадаться, что полученные им сведения своим источником имели ближайшее окружение епископа Волынского и Житомирского Антония (Храповицкого), будущего лидера РПЦЗ. К сожалению, проверить истинность сообщений невозможно, тем более что сам владыка ни разу не обмолвился о «желании» Николая II поменять царский венец на патриарший куколь. О встрече же царя и митрополита Антония (Вадковского) в дневнике Николая II есть только краткое сообщение как в половине первого дня 28 декабря 1904 г. владыка «славил Христа с братией Александро-Невской лавры», а затем завтракал с семьей монарха²⁵. Никакие встречи в лавре не зафиксированы.

Разумеется, возможно предположить, что царь мечтал принять постриг и удалиться от дел, — ведь, по словам его апологета Н. Д. Жевахова, «это был прежде всего богоискатель, человек, вручивший себя безраздельно воле Божией, глубоко верующий христианин высокого духовного настроения»²⁶. Но строить

²³ [Жевахов Н. Д.] Воспоминания товарища обер-прокурора Святейшего Синода князя Н. Д. Жевахова. М., 1993. Т. 2. С. 277.

²⁴ Нилус С. А. На берегу Божьей реки. Записки православного. Сан-Франциско, 1969. Т. II. С. 181–182.

²⁵ Дневники императора Николая II. С. 244. Запись от 28 декабря 1904 г.

²⁶ [Жевахов Н. Д.] Указ. соч. С. 218.

на этих предположениях политические заключения — решительно невозможно.

Впрочем, один важный вывод из «апокрифов» сделать необходимо. У последнего русского самодержца не было близости с православной иерархией, которую он воспринимал по большей части как «духовных чиновников». Поэтому вполне понятно, что как религиозных наставников в свою религиозную жизнь он их не допускал. А Гр. Распутина, вероятнее всего, — допускал.

Так миф переплетался с реальностью, становясь «источником» для изучения жизни императора Николая II. Не случайно уже тогда, в 1920-е гг., заговорили и о возможной канонизации царя. Одним из первых об этом написал князь Н. Д. Жевахов. Именно ему принадлежат слова о том, что царствование Николая II «даст Православной Церкви нового святого, и в будущем будет оцениваться как “Житие Святаго Благовернаго Царя-Мученика императора Николая Александровича”»²⁷. Н. Д. Жевахов воспринимал царя как одного «из величайших подвижников Церкви последнего времени, подвиги которого заслонялись лишь его высоким званием Монарха»²⁸.

Этот тезис среди представителей русской монархической эмиграции с течением лет становился все более и более популярным. Убийство Николая II стали оценивать прежде всего в религиозных категориях — как убийство помазанника Божьего. Чем дальше, тем больше подобный взгляд укоренялся и усваивался среди тех, кто, проживая в эмиграции, считал себя хранителем традиций Российской империи — последнего в мире *самодержавного царства*. Именно в среде этих людей идея канонизации царской семьи нашла активных сторонников и осуществилась в 1981 г., когда Русская Православная Церковь Заграницей приняла решение о сопричтении к лику святых Николая II, его семьи и слуг (среди которых, к слову сказать, были и неправославные: католик А. Е. Трупп и незадолго до екатеринбургской трагедии разлученная с царской семьей гофлектрисса императрицы Александры Федоровны лютеранка Е. А. Шнейдер).

Вместе с тем были канонизированы и другие погибшие в 1918–1919 гг. члены Дома Романовых: великие князья — Михаил Александрович, Павел Александрович, Дмитрий Константинович,

²⁷ Там же. С. 273.

²⁸ Там же. С. 276.

Георгий Михайлович, Сергей Михайлович, великая княгиня Елизавета Федоровна, князья императорской крови Иоанн, Константин и Игорь Константиновичи, а также князь Владимир Палей — сын Павла Александровича от морганатического брака с О. В. Палей. Лишь великий князь Николай Михайлович, которого зарубежные монархисты считали оппозиционером и «фрондером», не был удостоен церковного прославления (хотя и погиб вместе с другими родственниками). Акт прославления Архирейский Синод РПЦЗ совершил 1 ноября 1981 г. Новым святым молились как *новомученикам и исповедникам Российским*.

Но это — уже заключительная часть истории, правда, имевшая продолжение спустя почти два десятилетия, когда Русская Православная Церковь Московского патриархата также причислила Николая II и его семью (без слуг и не касаясь вопроса о святости погибших царских родственников) к лику святых — как страстотерпцев и мучеников.

До того, как о Николае II заговорили как о святом, был относительно небольшой по времени, но насыщенный событиями период, в течение которого здание Российской империи было окончательно разрушено. О причинах этого разрушения много писали историки и в России (СССР), и за границей. Анализировать причины случившегося (или пересказывать их) — значит писать специальную работу. Наша задача скромнее — отметить те обстоятельства, которые делают и сегодня личность императора Николая II пререкаемой политической фигурой, не только героем прошлого, но и символом «старой России».

У людей, придерживающихся различных политических принципов, к этому символу различные подходы. Рассуждая о Николае II, его роли и значении в русской истории начала XX в., историки и публицисты часто отстаивают (как отстаивали и ранее) свое представление о правильности или ошибочности его решений, прикрываются статистическими данными, говорящими в пользу их рассуждений, ищут в прошлом виновников и там же находят «исторических» союзников, развенчивают старые мифы, порой заменяя их новыми.

Активнее всего на этом поле действуют «царебожники», для которых Николай II не просто великий государь, но и великий праведник, спаситель русского народа. Они пишут о нем только восторженно, сочиняют хвалебные оды, даже облачают их в патетические песни, называют «священным царем». В качестве

примера можно привести песню «Царь Николай», достаточно давно исполняемую Ж. В. Бичевской. В этой песне есть такие характерные строки:

Как на Кресте, на полу распростертый,
Ты претерпел за Христа до конца,
Выкупив Русь искупительной жертвой,
Богом увенчан сияньем венца²⁹.

«Выкупающий Русь» самодержец, увенчанный сиянием Бога, — это не уже не человек, даже не просто святой, это — сверхъестественная сила, имеющая власть спасти погрязшую в грехах неверия и царетотступничества Россию. Священноначалие Русской Православной Церкви, понятно, как может борется с так называемой «ересью царебожия», об «царебожии» много писали и пишут церковные публицисты³⁰, но побороть подобную веру не удастся. Восприятие святости канонизированного царя у разных православных — различно. Для одних он — «страсто-терпец», для других — «искупитель», которого Собор 2000 г. возвел в «неправильный чин святости». Но, главное, для большинства тех, кто почитает последнего императора как великого святого, его политическая деятельность, ошибки и достижения, неизбежно окрашиваются в религиозные цвета.

Удивлять это не может, но заставляет признать: Николай II-человек постепенно «растворяется» в «святом царе Николае», трагический финал его жизни становится отправной точкой для объяснения этой жизни в целом. История жизни оказывается подчинена трагедии смерти. 1917 год в такой ситуации изначально рассматривается как катастрофа, вина за которую может быть возложена на кого угодно, но только не на царя. «Схематический» подход торжествует.

Впрочем, в этом есть определенная логика. Если, хотя бы на минуту, согласиться с тезисом о том, что сам царь пребывал в плену «самодержавного мифа», то сложно отказаться от возмож-

²⁹ Бичевская Ж. Текст песни «Царь Николай». [Электронный ресурс] URL: <http://www.lyricshare.net/ru/zganna-bichevskaya/car-nikolay.html>.

³⁰ См., напр.: Сысоев Д., *свящ.* Новая исповедь: декларация царебожия вместо раскаяния // Благодатный огонь. Православный журнал. 2003. № 11. С. 91–98.

ности рассматривать произошедшее в контексте «мифологического дискурса». Да и многие современники — критики последнего царствования — вольно или невольно рассуждали подобным образом. Характерны мысли на этот счет писательницы Русского Зарубежья Н. Н. Берберовой, девушкой пережившей падение самодержавной государственности и в течение всей последующей долгой жизни постоянно задумывавшейся над случившимся в России в 1917-м. Рассуждая о той стремительности, с которой развалилась тогда империя, замечая, что «тогда на верхах люди просто бросали все и уходили: сначала царь и его министры, потом кадеты, потом социалисты», подчеркивая, что в результате «оставались самые неспособные и неумные, пока не провалились в тартарары и они», Н. Н. Берберова жестко и безапелляционно резюмирует: «А главный виновник всего тот, который дал России опоздать к парламентскому строю на сто лет, тот, который не дал возможности кадетам и социалистам выучиться ответственному ремеслу государственной власти, или хотя бы ремеслу оппозиции государственной власти, тот, кто вел страну от позора к позору двадцать три года, кто считал, что, прочитав в день коронации молитву “помазанника”, он, принимая символ за реальность, стал действительно этим “помазанником”, никакой так называемой мученической смертью не заплатил за свои ошибки: они остались при нем. То, что можно платить смертью за жизнь, есть предрассудок апеллирующих к чувствительности чувствительных людей. Смертью за жизнь не платят. Она сама есть часть жизни». Вспоминая далее, как эмиграция шлет проклятия «нашему Камбизу тридцатых и сороковых годов» (то есть Сталину), Н. Н. Берберова утверждает: «...во всех российских несчастьях прежде всего и больше всего повинен царь»³¹.

Для нее «помазанник» — прежде всего метафора, а не реальность. Но царь-то считал по-иному, он, пишет Н. Н. Берберова, жил в убеждении, «что Бог реально м а з а л его и строго запретил делить власть с кем бы то ни было»³². То, что оценивалось писательницей как наваждение, дорого стоившее стране, для последнего самодержца было метафизической реальностью или, если угодно, инореальностью, отказаться от которой — значит отказаться от самого себя.

³¹ Берберова Н. Курсив мой. Автобиография. New-York, 1983. Т. 1. С. 91–92.

³² Там же. С. 92.

Так «миф» царя вступал в противоречие с либеральным «мифом о царе», обвиняемом во всех политических грехах скопом. Личность заслонялась уже не «святостью», «метафизикой», а «физикой» бытия. Она опять ускользала, даже интерес к ней не особо подчеркивался.

Впрочем, было и иное восприятие революционных пертурбаций 1917 г. Один из самых пронизательных современников тех лет, философ и публицист В. В. Розанов сумел показать весь трагизм той ситуации совсем в иной — психологической — манере.

«Царь не ломался и не лгал», — замечал философ. Но, видя, как ужасно отреклись от него «народ и солдатчина», как предали («ради гнусной распутинской истории»), написал, «что, в сущности, он отрекается от такого подлого народа. И стал (в Царском) колоть лед. Это разумно, прекрасно и полномочно»³³.

Как видим, В. В. Розанов обратил внимание на то, что народ — «подлый», сам отказавшийся от своего государя. Последний в таком случае выступал скорее в качестве «судьи» своих подданных, неразумных и злых. «Они поверили клевете» — вот лейтмотив розановской сентенции. Не случайно, далее он резко охарактеризовал кончину самодержавной государственности, используя выражение «Русь слиняла».

«Русь слиняла в два дня. Самое большее — в три. Даже “Новое время” нельзя было закрыть так скоро, как закрылась Русь. Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частных. И собственно, подобного потрясения никогда не бывало, не исключая “Великого переселения народов”. Там была — эпоха, “два или три века”. Здесь — три дня, кажется даже два. Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска, и не осталось рабочего класса. Что же осталось-то? Станным образом — буквально ничего.

Остался подлый народ, из коих вот один, старик лет 60 “и такой серьезный”, Новгородской губернии, выразился: “Из бывшего царя надо бы кожу по одному ремню тянуть”. Т. е. не сразу сорвать кожу, как индейцы скальп, но надо по-русски вырезать из его кожи ленточка за ленточкой.

И что ему царь сделал, этому “серьезному мужичку”.

Вот и Достоевский...

³³ Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. М., 2000. С. 6.

Вот тебе и Толстой, и Алпатыч, и “Война и мир”»³⁴.

«Подлый народ» желает смерти своего царя, не особо задумываясь над вопросом о том, что этот царь сделал ему, народу, плохого. В. В. Розанов писал эти строки тогда, когда пламя Гражданской войны еще только разгоралось, когда ее ужасы не могли быть до конца прочувствованы и осознаны «подлым народом». Но он, В. В. Розанов, уже тогда понял: из царя будут «кожу по одному ремню тянуть». Он почувствовал ход исторического маятника, понял всю беспощадную неумолимость его хода — и для страны, и для ее бывшего властителя. Старый мир уходил в небытие («задуло свечку»), и первой *символической* жертвой, им принесенной «новому времени», закономерно должен был стать царь, отказавшийся быть царем и променявший порфиру на возможность колоть лед.

Пройдет совсем немного времени, и родится миф о ритуальном убийстве царя, миф стойкий и популярный в кругах тех, кто рассматривал (и рассматривает) Российскую империю не столько как политический, сколько как религиозный феномен. Царь при таком восприятии оказывается даже не самодержцем, а «удерживающим» мир от зла. «Удерживающий» — это символ; человек же, объявляемый «удерживающим», со всеми своими индивидуальными чертами, достоинствами и недостатками, оказывается интересен лишь постольку, поскольку изучение его жизни позволяет лучше разобраться в самом «символе». Как же тогда относиться к таким источникам, как воспоминания современников, их дневники и публицистические работы, которые не позволяют реконструировать чаемый образ «удерживающего» праведника, уничтоженного врагами?

И на этот вопрос находится вполне простой ответ. Его недавно озвучила московский филолог Т. Л. Миронова — безусловная сторонница «ритуального» убийства царской семьи. Указывая на то, что многие документы, касавшиеся жизни царской семьи и их «Друга», искажены и претенциозны, она заявляет, что подозрения в фальсификации могут быть сняты лишь с тех источников (касающихся последнего самодержца и его близких), «которые опубликованы были при жизни их авторов и под их неусыпным контролем»³⁵. А если всё обошлось

³⁴ Там же. С. 6–7.

³⁵ *Миронова Т.* Из-под лжи. Государь Николай II. Григорий Распутин. Краснодар, 2005. С. 88.

без «неусыпного контроля» или было опубликовано после кончины автора?

Вопрос, понятно, риторический. Заявление Т. Л. Мироновой можно назвать «новым словом» в источниковедческой науке, ибо следование предложенному принципу изначально резко сужает круг материалов, которые следует считать «истинными» и открывает широкую дорогу историческому произволу авторов, прикрываемому «фиговым листком» борьбы с фальсификацией. Кто в таком случае может считаться фальсификаторами также становится окончательно понятно: враги государства, стремящиеся показать его «слабовольность», недалёковидность, государственную слабость и т. п. «Священный царь» не может быть «презреваемым героем», «презреваемы» только его критики. Так рождается новая форма изложения биографии Николая II, в которой исторический анализ действий самодержца и все события, как-либо фактически с ним связанные, подчинены требованиям субъективно и произвольно понятым принципам агиографии.

Примеры подобных «биографий» и отдельные сюжеты из жизни и смерти последнего царя будут приведены в настоящей антологии. Сейчас же хочется обратить внимание на иное: стремление к апологии царя часто приводит и к апологии царства, конкретнее — той России, хозяином которой Николай II публично назвал себя во время проведения Первой всероссийской переписи 1897 г. Сама по себе апология прошлого психологически понятна, особенно когда она связана с желанием доказать себе и показать другим, что разрушенное царство имело все возможности развиваться и расти, а его правитель был скромным, мудрым и добрым, заботившемся лишь о благе подданных и славе отчизны. Конечно, далеко не все в царской России было так плохо, как об этом в советские годы писали штатные идеологи. Конечно, на фоне сталинских «свобод» царская Россия выглядела настоящим «оплотом свободы» и либерализма властей.

Но корректно ли проводить подобные сравнения, не задумываясь всерьёз о том, почему произошло все то, что произошло?

Неужели причиной тому — вражеские козни и внутренние предатели, чей изворотливый ум сумел перебороть «прекраснодушие» последнего царя, его удивительную доверчивость и гуманность?

Увы, приходится повториться: говорить просто о сложном получается лишь в случае полной схематизации истории, ее под-

чинения изначально сформулированным идеологическим принципам, разделению активных деятелей прошлого на «своих» и «врагов». Такой вот «детерминированный» подход к прошлому, чем-то напоминающий прежние квазинаучные рассуждения отечественных идеологов о «закономерностях исторического развития», «неизбежности» победы революции и появлении новой общественно-экономической формации. В работах «апологетов» без особого труда можно увидеть «закономерности предательства», «последовательность измены» и т. п. явлений, сопровождавших и предшествовавших падению монархии в России. Вывод предопределяется заранее, мир из многоцветного и парадоксального превращается в черно-белый и плоский.

В этом мире жизнь главного героя — императора Николая II — выводилась (и выводится) из событий 2 марта 1917 г., оказывалась (и оказывается) подчиненной его трагической гибели. И причины такого подхода следует видеть не только в пресловутом «религиозном максимализме» многократно упомянутых «апологетов», но и в наследии не менее максималистичных противников самодержавия предреволюционной поры, причем не только марксистов. Еще в 1918 г., в работе «Духи русской революции», Н. А. Бердяев заметил, что «русский революционный максимализм и есть своеобразная, извращенная апокалиптика. Обратной стороной ее всегда является нигилизм. Нигилистическое истребление всего множественного и относительного исторического мира неизбежно распространяется и на абсолютные духовные основы истории»³⁶.

Максимализм оказывается не изжит и сегодня, формируя и укрепляя «нигилизм» тех, кто позиционирует себя в качестве идейных противников русской революции и претендует на лавры «воссоздателей» честной картины прошлого. Спор профессионалов, которые, как и любые исследователи, могут ошибаться, часто подменяется резкими выпадами сторонников и противников самодержавного прошлого. Удивляться здесь нечему: только ленивый не считает для себя возможным рассуждать об истории и предъявлять окружающим претензии на понимание ее тайн и загадок. Проблема существенно усложняется, когда в бой за «историческую правду» выступают исследователи, хорошо

³⁶ Бердяев Н. А. Духи русской революции // Вехи. Из глубины. М., 1990. С. 266.

усвоившие и использующие идеологические приемы борьбы, максималисты «идеи». Абсолютные духовные основы истории для них оказываются также не важны, как не важны они были революционным нигилистам начала XX в.

И все-таки, несмотря на резкость оценок — и pro, и contra, следует подчеркнуть: последние четырнадцать месяцев жизни Николая II (с марта 1917 по июль 1918 г.) были временем, когда он познал обратную сторону народной любви, увидел предательство и преданность — во всей их откровенной очевидности, познал унижение и грубость, силу власти, направленной против «частного человека» (то есть его самого, содержавшегося под арестом вместе с семьей и слугами) и силу веры. Это был его подвиг, названный Русской Церковью страстотерпческим. Его смерть, которую одни считали «искуплением» жизни, а другие, экстравагантные почитатели, «искуплением» русского народа, была прежде всего трагедией человека, волею Провидения еще при жизни ставшего символом. История отняла у него право на «приватность», сделала своим заложником и ответчиком. Именно это обстоятельство, как мне кажется, заставляет исследователей и публицистов, блогеров и журналистов постоянно вспоминать о нем, пытаясь понять ту самую Россию, которую, по словам известного современного режиссера, некогда «мы потеряли».

* * *

За истекшие четверть века в России были изданы и переизданы десятки мемуарных свидетельств и дневников, посвященных эпохе последнего царствования, в которых авторы писали и о императоре Николае II. Свидетельства эти принадлежали людям разных политических взглядов — и сторонникам монархии, и ее противникам, — родственникам Николая II, его министрам и военачальникам, общественным деятелям и деятелям революционного лагеря, царским слугам и убийцам царя. Интересующиеся русской историей конца XIX — начала XX в. читатели получили возможность, минуя прежние, советской поры, идеологические запреты, познакомиться с целой библиотекой книг, рассказывающих о том самом «потонувшем мире», на смену которому и пришло «государство рабочих и крестьян». В 1994 г. петербургскими историками Б. В. Ананьичем

и Р. Ш. Ганелиным была выпущена специальная книга — «Николай II: Воспоминания. Дневники», представляющая собой сборник работ (и опубликованных, и к тому времени еще не опубликованных), посвященных личности последнего царя. Это был первый в постсоветской России опыт такого рода публикации, оказавшийся вполне удачным. Николай II представлен в книге не только государственным деятелем, но и человеком — сложным, противоречивым, сомневающимся. За истекшие с того времени годы в России было выпущено много источников, касающихся личности последнего царя, в том числе и те, отрывки из которых опубликовали Б. В. Ананьич и Р. Ш. Ганелин. Тема очевидно вызывала неослабевающий интерес читателей.

...Интерес к минувшему для думающего человека естественен, не в последнюю очередь он вызывается стремлением разобраться и в дне сегодняшнем. Однако далеко не все «интересующиеся» в состоянии дать себе ответ, насколько они подготовлены воспринимать и понимать прошлое, могут ли при его оценке отказаться от морально-нравственных и социально-психологических критериев своего времени. И хотя эта проблема неразрешима «в целом», она — как проблема — должна учитываться теми, кто занимается исследованием прошлого профессионально. Последние двадцать лет стали доказательством данного факта. Именно историки несут ответственность за то, как проведен анализ источников, как следует работать с ними. Для думающих читателей работы исследователей должны быть своеобразным «компасом» в мире прошлого, «навигатором», позволяющим разобраться в том, *что, почему и как* его герои вспоминали, описывали, оценивали. И хотя безусловного «права на истину» нет ни у кого, умение работать с историческим материалом не может быть достоянием дилетантов. «Интересующиеся» прошлым должны понимать всю сложность проведения исторического анализа, пытаться понять, что за кажущейся простотой (читать мемуары и дневники в состоянии любой грамотный человек) скрываются многочисленные трудности изучения минувшего, предполагающие знание не только фактологии, но и социальной психологии, экономики, морального состояния общества, его «бытовой» составляющей, да мало ли еще чего!

Предлагаемая вниманию читателей антология и есть попытка показать эту сложность — через работы отечественных публицистов и ученых, писавших о последнем русском монархе

как *pro*, так и *contra*. Публикуемые ниже тексты принадлежат авторам, придерживавшимся порой противоположных идеологических установок, исповедовавшим (или не исповедовавшим) религиозные взгляды, почитавшим и клеймившим императора Николая II, видевшим в нем святого и называвшим его «Кровавым». Из этих работ видно, как авторы анализировали известные исторические факты, использовали источники, насколько были (или не были) корректными в их интерпретации. Помещенные в антологию тексты позволяют понять, как время влияло на выводы, к которым приходили авторы, вообще, насколько важно учитывать временной фактор.

Можно ли судить прошлое? Имеет ли на это исследователь право? Кто он — судья и ли адвокат; и можно ли избежать подобных крайностей? Ведь то, что вполне простительно мемуаристу, неппростительно исследователю, даже если он — современник.

Думается, что читатель, желающий понять прошлое (в нашем случае, — связанное с личностью императора Николая II), ознакомившись с материалами антологии, сможет сам для себя найти ответы на прозвучавшие вопросы или, быть может, уяснить себе, что они важны, и игнорировать их нельзя.

Антология открывается работой русского военного писателя генерала А. Е. Елчанинова «Царствование Государя Императора Николая Александровича», приуроченной к празднованию 300-летия Дома Романовых. Она интересна прежде всего и преимущественно тем, что позволяет увидеть, что такое «официоз», составленный для «верноподданных его Величества». Цель автора — показать, сколь ответственно подходит царь к своему служению, сколь он заботлив и внимателен к подданным, справедлив и великодушен при разрешении не только государственных, но и обычных, житейских, дел. Генерал говорил обо всем понемногу, презентуя Николая II как «державного кормчего Русской Земли», и заканчивая изложение фразой о том, что «Россия воплощается в своем Царе», и что «Царь — это есть высшее проявление понимания народом русским своей судьбы».

Совсем по-иному писали о Николае II стоявшие на иных общественно-политических позициях российские публицисты — современники А. Е. Елчанинова, чьи работы, увидевшие свет в 1917 г., сразу после Февральской революции, помещены в антологию после апологетического опуса генерала. Их авторы — В. П. Обнинский и К. Н. Успенский — принадлежали

к либеральному лагерю русской общественности. Первый, скончавшийся в 1916 г., был публицистом и общественным деятелем, накануне 300-летия Дома Романовых, в Берлине, выпустившим резкую книгу о царе. В книге факты перемежались с анекдотами, с помощью которых автор пытался доказать «убогость» царя, «ничтожность» и «подлость» его министров, порочность того строя, который олицетворял Николай II. В сокращенном виде книга была опубликована в журнале «Голос минувшего» (этот текст и помещен в антологии). Она представляет значительный психологический интерес, показывая, как политическая непримиримость к строю может отражаться на характеристике личности, этот строй олицетворяющей.

Точно такой же интерес представляет и работа историка К. Н. Успенского, опубликованная, что характерно, в том же, что и опус В. П. Обнинского, четвертом номере «Голоса минувшего». Любопытно отметить, что приват-доцент Московского университета К. Н. Успенский, называвший Николая II «маньяком идеи самодержавия», был византинистом, специализировавшимся на изучении «византийского феодализма». Вероятно, новейшая история интересовала К. Н. Успенского потому, что в российской действительности он усматривал много «феодалных черт», не преодоленных за годы правления Николая II. Судьба царя после Февраля осталась для него неведомой: в мае 1917 г. автор скончался.

Резко антимонархических взглядов придерживался и другой публицист — современник царя — социал-демократ Л. Д. Троцкий. Его статья о Николае II увидела свет в 1912 г. и была приурочена к ожидавшимся тогда торжествам — 300-летию юбилею Дома Романовых. Ее название — «Благочестивейший, самодержавнейший» (оба эти слова автор закавычил) с самого начала свидетельствовало о том, как Л. Д. Троцкий воспринимал последнего императора и как оценивал его личность — и как монарха, и как человека. В 1926 г. автор, в то время еще один из руководителей Советского государства и влиятельный деятель коммунистической партии, переиздал статью о Николае II в VIII томе своих Сочинений. Характерен был и подзаголовок — «Юбилей позора нашего: 1613–1913». Его статья — биографический очерк-памфлет — содержит полный набор отрицательных характеристик Николая II, называемого человеком, обделенным природой, «вырожденцем по всем признакам», со слабым умом и слабым волей.

Статья — своеобразный счет, предъявляемый императору революционерами: автор указывает, сколько рабочих было убито и ранено за годы его правления, как его правительство душило прессу, насколько бездарной и жестокой была национальная и внешняя политика Российской монархии. Ни одного доброго слова для характеристики Николая II Л. Д. Троцкий не находит, аттестуя его царем «ходынским, мукденским и цусимским», царем 9 января и 3 июня, царем «виселиц, погромов и карательных экспедиций». Припоминается, как видим, все: трагедия на Ходынском поле в дни коронационных торжеств 1896 г., трагические поражения Русско-японской войны, «Кровавое воскресенье» 9 января 1905 г. и «переворот» 3 июня 1907 г., когда П. А. Столыпин добился досрочного роспуска II Государственной Думы и изменения избирательного закона. Для Л. Д. Троцкого лозунг («клич») «Долой Николая!», «Долой Романовых» и «Долой монархию» был естественным выводом из всего заявленного. Клич «Долой!», как показала история после прихода большевиков к власти в 1917 г., означал окончательный приговор не только «царизму», но и самому царю.

Вслед названным работам идейных противников Николая II помещен совсем небольшой отрывок из книги следователя Н. А. Соколова, в 1918 г. (и впоследствии, вплоть до кончины) занимавшегося изучением обстоятельств гибели царской семьи. В этом отрывке речь не идет о событиях июля 1918 г., — они представляют собой эскиз психологического портрета царя, созданного человеком, никогда не знавшем его лично, но, в силу обстоятельств, исследовавшем все, что было с ним связано и в итоге закончилось Екатеринбургской трагедией.

Такой же эскиз к психологическому портрету императора дает и генерал М. К. Дитерихс, также собиравший материалы об обстоятельствах убийства царской семьи. Для него несомненно, что «безумная Россия пришла к величественной мистерии — мученической кончине Николая II и всей Его Семьи; чудо совершилось: развенчанный в гражданина, низверженный и уничтоженный людьми Царь *отмечен перстом Промысла Божьего как Помазанник Божий*». М. К. Дитерихс видит в убитом самодержце жертву, сознательно им принесенную ради России.

О гибели царя и о последствиях этой гибели рассуждает и другой современник — лично знавший Николая II свитский генерал В. Н. Воейков. В антологии помещены рассуждения по этому вопросу генерала, взятые из его мемуаров. Мотивом

для публикации в антологии отрывка из книги В. Н. Воейкова послужило то, что он в данном случае выступает в качестве аналитика, а не «свидетеля защиты» (хотя и использует свои впечатления, сложившиеся от встреч с императором).

Об убийстве царя пишет и другой автор, чья публикация помещена в антологии — Т. И. Алексинская. До революции 1917 г. она принадлежала к социал-демократическому лагерю, будучи супругой руководителя социал-демократической фракции II Государственной Думы Г. Д. Алексинского и секретарем этой фракции. После 1917 г. она — непримиримый противник большевиков, противник смертной казни, не изменившая, впрочем, своим социал-демократическим убеждениям. В конце 1950-х гг., в эмиграции, она опубликовала документ — «сжатое изложение “официального отчета” об убийстве Царской Семьи», изданное в Советской России в 1922 г. и вскоре изъятое из обращения. «Вопрос об убийстве Царской Семьи, — писала Т. В. Алексинская, — не является даже политическим вопросом, ибо, на мой взгляд, это убийство было в сущности не политическим актом, а уголовным преступлением, как и многое другое в деятельности советских “вождей”, начиная с октябрьского переворота и кончая венгерскими событиями». Обратим внимание на сказанное: убийство оценивается не как политический акт, а как уголовное преступление. Т. В. Алексинская высказала мысль, которая, спустя несколько десятилетий (уже после падения коммунизма в СССР), стала обсуждаться и анализироваться в постсоветской России с различных позиций — и «новыми монархистами», и «старыми либералами».

После данной публикации вполне естественно было поместить статью епископа Русской Православной Церкви Заграницей Григория (графа Граббе), написанную в 1993 г. — к 75-летию цареубийства. Архиерей, принадлежавший к старинному русскому аристократическому роду, глубоко почитавший последнего царя и считавший день его убийства самым трагическим днем русской истории, заявлял о Николае II как об «Удерживающем» мир от зла, отзываясь на начавшееся тогда в православной России изменение отношения к последнему императору и надеясь, что царь-мученик своими молитвами поможет своему народу пережить наступившие для Отечества тяжелые дни.

Следующая работа, опубликованная в антологии, принадлежит перу князя Дмитрия Дмитриевича Оболенского и носит

название «Император Николай II и его царствование (1894–917): По материалам, собранным Старым профессором». Она была опубликована в 1928 г. (в Ницце), за три года до кончины автора, известного общественного деятеля дореволюционной России, публициста и мемуариста, по мнению ряда исследователей ставшего для Л. Н. Толстого прототипом Стивы Облонского. Оказавшись после революции во Франции, Д. Д. Оболенский составлял свою работу, можно сказать, «по горячим следам», не имея возможности преодолеть самые негативные впечатления от революционных пертурбаций, свидетелем и жертвой которых его сделали обстоятельства времени. Автор стремился доказать, что «царь должен расцениваться по результатам его царствования», а результаты правления Николая II, по его мнению, заслуживали весьма высокой оценки. Это была одна из первых работ, в которых критически разбирались жесткие оценки личности последнего самодержца, данные в воспоминаниях современников, обращалось внимание на то, что ошибки, совершенные правительством в годы его правления, не следует приписывать недальновидности императора. Наоборот, под пером Д. Д. Оболенского перед читателем возникал образ выдающегося государственного деятеля, человека дальновидного и сильного, чье царствование называется «непостижимым идеалом совершенства». Для него ясно как Божий день, что отречение Николая II от престола было «величайшей ошибкой и несчастьем для России», но вина за отречение лежала не на царе, а на тех, кто настоял на отречении. Итак, первый шаг по направлению к воссозданию образа «великой России» был сделан. Автор постарался так подобрать и изложить факты, чтобы показать своим читателям, что у николаевской России было не только прекрасное настоящее, но и вселявшее оптимизм будущее, которого она лишилась в результате целого ряда субъективных обстоятельств, винить в которых царя — недопустимо.

По такому же пути шел и эмигрантский публицист, бывший офицер императорской армии и участник Великой войны Н. М. Языков, уже после Второй мировой войны стремившийся (в том числе — и с помощью цифр) доказать, что Россия бурно и успешно развивалась, а бессудное убийство царя означало и гибель «мировой совести». Автор, чья брошюра первоначально была написана по французски и издана к 100-летней годовщине со дня рождения Николая II, безусловно, идеалист, смотревший на дореволюционную Россию сквозь призму политических пер-

турбаций первой половины XX в. Такой подход психологически объясним: прошлое часто видится современному человеку как «золотой век», канувший в Лету по вине его недалководидных (или даже преступных) предшественников. Но в данном случае важно подчеркнуть и другое обстоятельство: прошлое ассоциировалось с именем императора Николая II, сплеталось с ним в неразрывную нить, не могло рассматриваться и оцениваться автономно. Говоря о последнем царе, его адепты (в том числе и Н. М. Языков) имели в виду дореволюционную Россию, говоря о добольшевистской России — имели в виду царя. Подобные связи — не есть «историческая новость», — точно так же в Советской России Владимир Маяковский громогласно заявлял о подразумеваемом тождестве партии и Ленина.

Таких же, как и Н. М. Языков, представлений придерживался эмигрантский историк Н. Д. Тальберг, в 1950-е гг. составивший статью о церковной деятельности Николая II. Назвать ее полновесной исследовательской работой затруднительно: Н. Д. Тальберг был по преимуществу историк-компилятор, монархический идеолог, не столько исследовавший что-либо, сколько стремившийся подвести под известный, заранее определенный тезис свою систему доказательств. В данном случае он просто перечислил то, что было осуществлено Церковью в правление Николая II. Но в условиях, когда он писал о церковной деятельности последнего императора, и это было шагом навстречу «исторической реабилитации» Николая II, о котором Русская Православная Церковь Московского патриархата по известным обстоятельствам ничего позитивного сказать не могла.

Другим эмигрантским автором, в послевоенное время составившим жизнеописание «царя-мученика», был Е. Е. Алферьев. По образованию инженер, в 1970-е гг. он занимал место декана Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле (США). Для Е. Е. Алферьева Николай II был не только выдающимся государственным деятелем, но и праведником, оклеветанным при жизни и после смерти. Книга увидела свет в 1983 г., когда РПЦЗ уже прославила царя в сонме новомучеников и исповедников и, по существу была в большей степени произведением агиографическим, а не историческим. Подзаголовок книги, называвшейся «Император Николай II как человек сильной воли», говорил об этом достаточно ясно: «Материалы для составления Жития Св. Благодетельнейшего Царя-Мученика Николая Великого

«Страстотерпца». Основная идея книги проста: доказать, что пройти такой тяжелый жизненный путь, какой выпал на долю последнего царя, мог только человек, обладавший исключительно сильной волей и необыкновенной духовной силой, возвысившейся до святости. Распространенные слухи о слабости самодержца автор решительно отвергает, подчиняя изложение материала доказательству еще во вступлении заявленному утверждению.

Несколько особняком стоит другой эмигрантский автор, в послевоенное время опубликовавший статью о последнем царе — И. Л. Солоневич. Журналист и издатель, чья жизнь напоминала детективную историю, И. Л. Солоневич был самобытным мыслителем (идеологом «народной монархии»), утверждавшим, что Николай II был самым умным человеком не только в России, но и во всей мировой политике. Талантливый публицист и полемист, он объяснял прошлое «на пальцах», до вульгарности доходчиво и просто. Так, в 1914 г. царское правительство, оказывается, сделало всего две основных ошибки: призвало в армию рабочих-металлистов и не повесило лидера кадетской партии П. Н. Милюкова. Но не в этом только дело. И. Л. Солоневич — рапсод идеи самодержавия, резко критиковавший Петра Великого и скептически относившийся к построенной им империи. Его симпатии — в Московском царстве Алексея Михайловича, там он видел залог нормального развития страны, которое было остановлено великим преобразователем России. Впрочем, в данной статье И. Л. Солоневич обращал внимание на иное: Николай II был олицетворением монархического принципа, которому сам же первый и подчинялся. Самодержавие для автора — «диктатура совести», то есть чисто религиозная мысль (поскольку совесть «не может быть выражена ни в каких юридических формулировках», а «есть религиозное явление»). И. Л. Солоневич не пытался представить царя гением, называя самым умным человеком, не забывал подчеркивать, что «он — средний искренний человек; со «средними способностями», верно и честно — до гробовой доски — или до Ипатьевского подвала делал для России все, что он умел, что он мог. Никто иной не сумел и не смог сделать больше». Образ царя, нарисованный И. Л. Солоневичем, заставлял задуматься над проблемой олицетворенного символа и оценить его, применительно к личности, не существующей автономно.

Разумеется, в антологии представлены также работы писателей, публицистов и историков, писавших о последнем царе в со-

ветской России. Среди них — небольшая брошюра П. Е. Щеголева, известного историка и общественного деятеля, в 1920-е гг. издававшего материалы Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства (той самой, которая занималась расследованием действий царского режима). Он лучше многих знал, что представляла собой предреволюционная Россия, понимал степень невинности царя во многих инкриминированных ему действиях государственной власти. Он профессионально интересовался историей сыска, написал серьезную монографию о дуэли и смерти А. С. Пушкина, издавал историко-революционный журнал «Былое». К царской власти и конкретно к императору Николаю II относился сугубо отрицательно. Но, будучи историком, все же постарался написать не идеологическую агитку, а исторический труд, в основу которого положил дневники царя и документы, им визированные. По своему духу труд П. Е. Щёголева напоминает работу К. Н. Успенского, что неудивительно: и тот, и другой — современники, придерживавшиеся «левых» взглядов. Но все-таки П. Е. Щёголев более корректен, в нем публицист уступает место исследователю. Он — не советский «разоблачитель», а российский противник самодержавия, получивший «дореволюционное» воспитание и образование.

То же самое можно сказать и о работе уже упоминавшегося литературного критика И. М. Василевского (Не-Буквы), появившейся в первой половине 1920-х гг. Для него Николай II — несчастный государь, человек не на своем месте. Да, его Николай II не вызывает симпатий, но одновременно не пробуждает и «классовой ненависти». И. М. Василевский (Не-Буква) пытается писать об обычном, заурядном человеке, вынужденном играть выдающуюся историческую роль. То, что эта роль оказалась для императора неудачно сыгранной, для него очевидно, как очевидно и то, что трагический конец его жизни был исторически закономерен, поскольку «революцию, — увы, не делают в перчатках». Однако царя «сбросили», полагает И. М. Василевский (Не-Буква), не по политическим причинам. Восставшие толпы желали мстить «за неудачничество, за бездарность, за войну, за воспрещение водки, за дороговизну, за нескладницу, за убогую жизнь». Это был, конечно, не марксистский взгляд на революцию, но он тем и показателен, что был публично озвучен в стране, созидавшейся по специфически воспринятым «марксистским лекалам».

Аналогичные И. М. Василевскому (Не-Букве) представления в целом разделял и другой публицист 1920-х гг. — С. Б. Любош, автор книги о последних Романовых. В главе, посвященной Николаю II, которая и помещена в антологии, он попытался дать психологический портрет самодержца. Однако об объективности не могло быть и речи: с самых первых строк С. Б. Любош заявлял, что Николай II представлял собой «венчанную пошлость», а в конце утверждал его «бесспорность» — как царя. «В нем царизм сказал свое последнее и неизменное слово», — резюмировал автор, полагая, что Николай II за годы правления довел «принцип царизма до нелепости, до самоотрицания», и видя в этом его «бессознательную и невольную» заслугу перед революцией. С. Б. Любош имел в виду тот факт, что Николай II всегда отстаивал принцип абсолютизма («абсолют»), который-де «изжит уже во всех областях, прежде всего, в религии и морали, где он был сильнее всего, и где из абсолютной власти Царя Небесного выводилась абсолютная власть царя земного, царя “Божией милостью”». Логика автора вполне понятна: царь принадлежал к прошлому, был его символом, и вместе с этим прошлым закономерно оказался низвергнут историей.

Подобные взгляды особенно активно популяризировались в Советской России первого послереволюционного десятилетия, хотя и в дальнейшем от них не отказались. «Новый мир», в лице своих «гимнопевцев», утверждался на отрицании «потонувшего мира» — как мира обреченного к гибели. Олицетворявший этот мир самодержец, по такой логике, не мог его пережить. Оставалось разобраться в «деталях», показать, что «порокам» ушедшей в небытие самодержавной государственности полностью соответствовал и самодержец.

Разные авторы доказывали эту мысль по-разному, неизменным оставался только вывод. Одним из тех, кто писал на эту тему, был и русский либеральный публицист В. В. Водовозов, выпустивший в Петрограде в 1922 г. работу «Граф С. Ю. Витте и император Николай II». Автор, не принявший, кстати сказать, прихода к власти большевиков и в 1926 г. покинувший Советскую Россию, был безусловным противником самодержавия и воспринимал Николая II в духе русских революционных демократов начала XX в. Своими взглядами он напоминал В. П. Обнинского, хотя радикализма в его работе все-таки меньше: он постарался нарисовать портрет царя, используя

в качестве основного (и чуть ли не единственного) источника мемуары С. Ю. Витте. Понятно, какой должен был получиться портрет. Рассказу о Николае II посвящена вторая глава работы, которая и публикуется в антологии. По утверждению В. В. Водозова, последний самодержец был неспособный, неумный, слабый и податливый на все дурные влияния монарх, тщеславный, мелочный, упрямый и мстительный, не умевший прощать не только обид, но и не прощавший другим собственных слабостей и ошибок. Это был приговор политического врага, — даже не оппонента (хотя произнесший его «прокурор» сам не вынес последствий уничтожившей царизм революции и в эмиграции покончил жизнь самоубийством).

В 1930-х — 1950-х гг. в Советском Союзе специальных работ о Николае II практически не писали: историческая наука, загнанная в прокрустово ложе официальной идеологии, нашедшей свое идеальное воплощение в утверждениях «Краткого курса», предпочитала не слишком углубляться в перипетии предреволюционного прошлого императорской России. Думается, что сталинское время активного строительства «нового мира», время «сильных и волевых» людей даже психологически не подходило для написания работ о «слабом» царе. Ситуация изменилась после разоблачения «культы личности», когда, наконец, для исследователей открылись архивы, в которых хранились документы эпохи Николая II.

Стали появляться серьезные работы о времени Николая II, но о нем самом все же предпочитали не писать. Одним из первых, кто попытался нарушить этот негласный запрет, был ленинградский ученый В. С. Дякин, в своей монографии «Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны 1914–1917 гг.» поместивший специальную главу о Николае II и его окружении. Однако в силу целого ряда «субъективных» обстоятельств эта глава была из монографии, опубликованной в 1967 г., изъята. Она увидела свет в конце 1990-х гг., уже после кончины ученого. Под названием «Николай, Александра, Распутин и Камарилья» этот текст публикуется в настоящей антологии. Автор, много и серьезно занимавшийся изучением кризиса самодержавия конца XIX — начала XX в., постарался показать и доказать, что личные качества Николая II и его ближайшего окружения оказывали влияние на политику правящей верхушки. Разумеется, необходимо отдавать себе отчет в том, когда В. С. Дякин писал

свою работу, понимая степень несвободы советских историков периода «развитого социализма». Но, несмотря на это, В. С. Дякин стремился к максимальному использованию всех доступных источников, делая выводы лишь по ходу изучения фактов и не подбирая их специально для утверждения собственной концепции.

Другой историк, также писавший о Николае II в то время, был московский ученый А. Я. Аврех. Уже после его кончины, в 1989 г., была издана монография «Царизм накануне крушения», в которой рассмотрению личности Николая II и его ближайшего окружения была посвящена отдельная глава «Царь и камарилья». А. Я. Аврех, переживший однажды политическую «проработку», до конца своих дней старался не выходить за рамки традиционных «марксистско-ленинских» определений пролетарской революции, рассматривая царизм как совокупную социально-политическую систему, в сломе которой главную роль сыграла партия большевиков. «По большевистски» старался он писать и о царе, часто используя публицистические приемы 1920-х гг. Полагаю, что работа А. Я. Авреха ныне представляет в большей степени историографический интерес, но, как бы к ней не относиться, она демонстрирует состояние советской исторической науки накануне перестройки. По этой причине я первоначально предполагал поместить отрывок из нее в настоящей антологии, но, к сожалению, в силу «технических» причин от задуманного пришлось отказаться.

Вскоре после публикации монографии А. Я. Авреха, в 1991 г., в СССР увидел свет «Дневник императора Николая II». «Дневник» был неполон: в нем были опубликованы фрагментарные записи царя за 1894–1896, 1904–1907 и 1914–1918 гг. И все-таки это был важнейший источник, без обращения к которому изучение жизни Николая II оказывалось невозможно. Конечно, нельзя сказать, что до 1991 г. дневник последнего царя был недоступен широкому кругу исследователей, поскольку находился в архивохранилище: выдержки из него неоднократно публиковались в 1920-е гг. Но все-таки это были выдержки. Теперь же читатель получил возможность ознакомиться с личными записями Николая II, что называется, в целом. О публикации, а также об авторе дневника обширное предисловие написал московский историк К. Ф. Шацлло. Оно написано в духе традиционной для советских ученых критики не только политики Николая II, но и его самого. В предисловии, в сжатой форме, представлена

традиционная в Советском Союзе концепция гибели монархии и монарха, никакого сочувствия к которому автор не имеет. Для К. Ф. Шацилло, статья которого публикуется в антологии, Николай II — недалекий политик, «судорожно хватавшийся» за самодержавную власть. Результат видится автору закономерным: тотальный крах монархии, приведший семью последнего венценосца в подвал екатеринбургского дома купца Ипатьева.

Времена, впрочем, уже менялись, и наряду с прежними зазвучали и новые голоса, голоса тех, кто, как и эмигрантские историки, желали видеть в Николае II — праведного государя, а в его гибели — трагедию России. Одним из первых, заявивших об этом, стал московский экономист О. А. Платонов — ныне широко известный публикатор материалов о последнем царствовании и о последнем царе. Изначально я хотел поместить в антологию часть его работы 1991 г. об убийстве семьи императора Николая II (главу «Последний русский царь»), тем более что в те времена это было вызовом официальной советской историографии: О. А. Платонов заявлял о неправомерности уничижительных оценок личности и деяний Николая II, называл его человеком совести и души, честным и умным политиком. Автор пошел по пути, указанном ранее Е. Е. Алферьевым, в дальнейшем развернув бурную деятельность не только по «исторической реабилитации» царя и его царствования, но и по пересмотру устоявшихся мнений о его «Друге» — Г. Е. Распутине. Деятельность эта не прекращается и до сего дня. По этой причине в конце концов я вынужден был отказаться от публикации отрывка из текста О. А. Платонова: он выступает не столько как историк, сколько как политически ангажированный апологет последнего царя. Безусловно, это право автора, во многом развивающего основные взгляды апологетов прежних времен. Однако в данном случае материалы О. А. Платонова уже не могут восприниматься как «знаковые», что и позволяет отказаться от их повторения в настоящем сборнике.

То же самое, с некоторыми дополнениями и разъяснениями, можно сказать и о текстах московского филолога Т. Л. Мироновой — радикального борца за «историческую правду», в 2005 г. опубликовавшей небольшую книжку с характерным названием «Из-под лжи». Первая ее часть полностью отражает взгляды автора на последнего самодержца — «Были и небыли о царствовании Николая Второго: кому нужна мистификация истории». Т. Л. Миронова — безусловная сторонница взгляда на убийство

царской семьи как на ритуальное, для нее Николай II — великий государь, на которого клеветали раньше, клеветают и ныне. Она стремится доказать, что отречение от престола — миф (даже слово «отречение» ставится ею в кавычки), что свидетельства таких современников, как генерал А. А. Мосолов, протопресвитер Георгий Шавельский, великий князь Александр Михайлович, генерал Ю. Н. Данилов и ряд других — доверия не заслуживают. Проблему корней революции она подменяет проблемой заговора, пытаясь убедить читателей в том, что государь добровольно не слагал с себя царских полномочий. Обвиняя царское окружение в грехе «цареборчества», автор не стремится объяснить, почему же такой сонм предателей-иуд окружал честного и умного самодержца. Неужели виновны все, кроме царя?

Впрочем, для Т. Л. Мироновой такой вопрос не особо интересен. Для нее важно отметить, что «череда главных изменников скоро сошла в могилу» и перейти к выяснению «правды о цареубийстве», в котором, разумеется, виноваты иудеи. Смелый «историк»-разоблачитель, Т. Л. Миронова решает сложный вопрос о гибели царской семьи легко, с наскока, демонстрируя, до каких крайностей могут довести человека идеологические убеждения, тем более одетые в религиозные одежды. Работа Т. Л. Мироновой есть достойный образчик того, как исторический миф превращается в идеологическое оружие, использование которого вовсе не предполагает умение слушать оппонентов и пытаться понять «дух времени». Да и зачем понимать, когда и так все ясно: есть враги и есть единомышленники, — в прошлом, как в настоящем. Борьба «за правду» становится самодостаточной. Непримиримость, очень похожая на большевистскую, которая, разумеется, проклинается и осуждается.

Что делать! «Белый большевизм» (радикал-национализм, сдобренный псевдо-православными лозунгами) оказывается весьма удобным способом воздействовать на сознание тех, кто хочет верить в исторические сказки о потерянном земном рае (императорской России) и таит в своей душе мысль о его возрождении. Работа Т. Л. Мироновой может представлять несомненный интерес для всех тех, кто занимается исследованием исторического мифотворчества, и поэтому, думаю, она и не была включена в антологию.

В отличие от О. А. Платонова и Т. Л. Мироновой, петербургские историки Б. В. Ананьич и Р. Ш. Ганелин, опубликовавшие в 1993 г. в журнале «Вопросы истории» свою статью о Николае II, являются серьезными учеными, старающимися говорить о предреволюционной России без идеологической «ажитации». В их статье Николай II показан человеком переломного времени, можно сказать — привязан к нему, что позволяет не столько осудить или оправдать последнего монарха, сколько понять весь трагизм его положения — и как личности, и как правителя.

Интересный очерк о Николае II как о человеке, видевшем себя прежде всего и преимущественно офицером, написал петербургский историк А. В. Терещук. Избегая резких оценок и категорических выводов, он показывает ту роль, какую играла армия в жизни последнего русского царя, пытаясь ответить на вопрос, насколько компетентным военным руководителем он являлся (особенно в годы Великой войны, будучи Верховным главнокомандующим). А. В. Терещук утверждает, что концепция «заговора генералов», в которой якобы участвовал и начальник штаба Верховного главнокомандующего (в 1915–1917 гг.) М. В. Алексеев, убедительных подтверждений не имеет, хотя «великокняжеская» оппозиция (не говоря уже о радикально-революционной и либерально-демократической), безусловно, существовала.

В 1996 г. свое отношение к жизни, судьбе и страстотерпческому подвигу Николая II высказала Русская Православная Церковь. Комиссия по канонизации святых РПЦ под руководством митрополита Ювеналия (Пояркова) подготовила и опубликовала сборник материалов, связанных с вопросом о канонизации царской семьи (тогда об этом много говорилось в Церкви, в том числе и патриархом Алексием II). Материалы для сборника готовила целая группа священнослужителей, среди которых были церковные историки Владислав Цыпин и Георгий Митрофанов, а также игумен Игнатий (Крекшин). Специально рассмотрев вопрос об отношении Церкви к страстотерпчеству, церковные историки дали краткую характеристику государственной деятельности царя, отдельно проанализировав вопросы, связанные с его действиями в январе 1905 г., церковную политику, отношение царской семьи к Г. Е. Распутину, причины отречения Николая II от престола и особенно подробно последние дни самодержца. Итогом изучения стало подготовленное «Житие

и страдания благоверного царя Николая Александровича и его семьи», завершавшее «Материалы».

Важно отметить, что подготовленные священнослужителями Русской Православной Церкви тексты, послужившие основанием для составления «Жития», это, прежде всего, собрание аналитических справок, а не набор «идеологических текстов». Можно сказать, что «Материалы» — удивительно корректно составленный церковно-исторический документ, позволяющий увидеть и понять, как ответственно отнеслось тогда, в 1990-е гг., русское священноначалие к проблеме канонизации последнего царя, критически рассмотрев основные вехи его жизни и сумев избежать искушения поместить ее в произвольно сконструированные «апологетические рамки». Конечно, эта работа компилятивная, но ее достоинство именно в том, что проведена она именно силами клириков Русской Православной Церкви, сумевшими выдержать давление разного рода критиков — и «слева», и особенно «справа». Ее публикацией и завершается антология.

* * *

Подводя итоги, хочется сказать, что все представленные в настоящей антологии тексты публикуются с единственной целью: помочь заинтересованному читателю лучше понять, насколько фигура последнего императора противоречива и неоднозначна, насколько он «пререкаемый герой» российской истории. Эта история и в наши дни может «соблазнять» мечтающих о воссоздании «потонувшего мира» императорской России, заставляя их верить в легенду, наподобие той, что вдохновляла русских староверов, чаявших увидеть град Китеж, покоящийся на дне озера Светлояр.

